
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ В РАКУРСЕ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПОДХОДЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ*

А.С. Туманова

Кафедра теории права и сравнительного правоведения
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Малая Ордынка, 17, Москва, Россия, 171190

В статье рассмотрены основополагающие тенденции изучения правовой культуры российского общества конца XIX — начала XX в., которые существуют в историко-правовой литературе последних десятилетий и представляются наиболее значимыми для характеристики категории «правовая культура».

Ключевые слова: правовая культура общества, позднеимперская Россия, постановка проблемы.

Проблема правовой культуры российского общества периода поздней империи, начавшегося временем «великих реформ» 1860–1870-х гг. и завершившегося радикальной трансформацией основ социального и политического строя в Октябре 1917 г., привлекает к себе в последние годы все большее внимание исследователей. В настоящей статье мы осветим существующие в научной литературе последних десятилетий основополагающие тенденции изучения правовой культуры российского общества конца XIX — начала XX в., охарактеризуем подходы, которые доминируют в западной и отечественной литературе и представляются нам наиболее значимыми для характеристики данной категории.

Под правовой культурой нами понимается отношение российского общества к праву как к регулятору социальных отношений, степень усвоения им правовых ценностей и идей, а также следования им в своей жизнедеятельности. Поскольку общество позднеимперской России было сословным и весьма неоднородным в экономическом, политическом и культурном отношениях, наше внимание будет сфокусировано преимущественно на культуре его элитарной части.

Продуктивной тенденцией историко-юридических исследований последних десятилетий нам представляется происходящий отказ от негативных коннотаций, связанных с российской правовой культурой, от стремления отождествить правовую культуру российского общества с категорией «правовой нигилизм». Под правовым нигилизмом понимается недоверие к праву как к социальному регулятору и неприятие действующей формы позитивного права в особенности.

* Данное научное исследование (проект № 13-05-0010) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг.

К числу авторов, призывающих к пересмотру взгляда на правовую культуру российского общества, характеризуемую как «правовой нигилизм», принадлежат авторитетные американские исследовательницы Нэнси Коллман и Джейн Бербенк. Основываясь на анализе правовых актов, институтов и судебных практик, имеющих хождение в позднеимперской России, Коллман и Бербенк делают вывод о существенном развитии правовой культуры в пореформенный период. Они указывают, что российские подданные успешно использовали юридические институты в своих повседневных интересах, приходят к выводу, что право играло тогда ключевую роль не только в правительственной политике, но и в функционировании общества [3. С. 288; 5. С. 225].

Вместе с тем Бербенк находит следующие адекватные характеристики для определения правового сознания российского общества и правового статуса подданных российского императора, справедливость которых нельзя не признать. Она пишет о характерном для российских подданных представлении о правах как о человеческом творении, производном от российских законов, которые исходили от императоров; обусловленности прав, обязанностей и привилегий подданных их принадлежностью к той или иной сословной группе; неравномерном распределении прав и обязанностей между различными группами населения Российской империи [1. С. 402, 416; 13. С. 323].

Социальный историк Элиз Кимерлинг Виртшафтер в своей статье о русской правовой культуре и верховенстве права характеризует российский «длинный XIX век» (до 1914 г. включительно) как развитие ведущих либеральных принципов управления и верховенства права.

Виртшафтер полагает, что к 1917 г. Россия достигла существенного прогресса в своем движении в направлении общественного строя, основанного на принципах правового равенства, хотя ко времени Февральской революции сословная градация сохранялась. Этот вектор развития продолжался, по словам Виртшафтер, и в 1917 г.: в канун большевистской революции значительное число русских боролось за реализацию в стране политической свободы и конституционной демократии [11. С. 68–70].

Историк права Уильям Вагнер в своей оценке качества правовой системы имперской России использует концепцию правового развития, разработанную Гарольдом Берманом. Согласно Берману, правовые системы, воплощающие принцип верховенства права, возникают из взаимодействия между соответствующими правовыми теориями, политическим контекстом, в котором право служит медиатором, посредством которого конкурирующие центры власти канализируют свои конфликты, защищают и выражают свои интересы, и правовой инфраструктурой (включая персонал, традиции и институты), способным защитить, институционализировать и сохранить данный правовой идеал.

Применяя формулу Бермана к опыту политико-правового развития позднеимперской России, Вагнер утверждает, что соотношение между доктринальными идеями о праве, политике, праве как объекте и праве как средстве политики, статусе юридической профессии, с юридическими институтами и позициями было более благоприятным для развития правового государства в позднеимпер-

ский период, чем в России конца 1990-х гг. Концепции права, выражающие идею верховенства права, широко усваивались, по мнению Вагнера, в позднеимперской России профессиональными юристами, активно распространялись и позитивно воспринимались обществом [6. С. 36].

В то же время, основываясь на изучении гражданского права, Вагнер утверждает, что в канун краха старого режима различные правовые системы, представленные судами и государственной администрацией, оставались в перманентном конфликте между собой по поводу разграничения прерогатив [7. С. 379]. Российский исследователь А.Н. Медушевский характеризует сосуществование и конфликтное взаимодействие двух правовых систем в русской правовой культуре — основанной на позитивном праве и на обычном, крестьянском, праве, категорией «правовой дуализм» [14. С. 1, 30].

На растущий и усложнявшийся со времени Великих реформ конфликт между судебной властью и администрацией, составлявших «два враждебных друг другу интеллектуальных мира», а также на изменение образа монарха, эволюционировавшего из «абсолютистского образа защитника и стража благоденствия и прав подданных» в сторону патриархального и религиозного вождя нации, возвысившего себя над законностью, указывает и Ричард Уортман. Эти обстоятельства тормозили, на его взгляд, развитие правовой культуры общества позднеимперской России и не позволили праву стать подлинным гарантом национального благоденствия и прав населения [12. С. 162–170].

Существенная группа исследователей занимается изучением правовой культуры отдельных профессиональных групп российского общества (бюрократии, профессуры, адвокатуры и др.), а также факторов, воздействовавших на ее развитие.

Дэвид Вортенвейлер исследовал правовую культуру российской либеральной профессуры и пришел к выводу, что идеи и ценности прав личности присутствовали в научных и публицистических работах этой группы интеллигенции, для которой требования гражданских свобод были близкими по духу. Профессора и их институции, а также распространенная в их среде либеральная идеология свидетельствовали, по мнению Вортенвейлера, о движении российского общества от сословного к гражданскому [10. С. 4].

К сходным выводам по поводу качественного состояния правовой культуры российской интеллектуальной элиты пришли Андрей Медушевский и Анджей Валицкий, которые в рамках монографических исследований изучали воззрения видных представителей русской юридической профессуры на правовые институты. Валицкий в своей монографии «Философы права российского либерализма», выдержавшей несколько изданий на целом ряде языков, анализирует воззрения Бориса Чичерина, а также таких теоретиков «нового либерализма», как Владимир Соловьева, Павел Новгородцев, Богдан Кистяковский и Сергей Гессен.

Валицкий характеризует зарождение в России так называемого «юридического мировоззрения», выраженного в идеях о правовом и конституционном государстве, примате прав личности и верховенства права. По мнению Валицкого, и российские либеральные юристы, и представители правящей династии с энту-

зиязмом восприняли в XIX в. такую важную сторону юридического мировоззрения, как веру в необходимость расширения правового регулирования жизни и оптимизм по поводу возможности общественных изменений посредством разумного законодательства. Вместе с тем правовая теория рубежа XIX–XX вв. развивалась в русле возрождения интереса к естественному праву и идеям социологической юриспруденции, способствовавшим развитию представлений о примате личных прав и свобод, принципа верховенства права над идеей неограниченной суверенности государства [8. С. 247, 355].

В фундаментальной монографии российского философа и историка Андрея Медушевского, написанной в близкой к Валицкому манере описания интеллектуальной мысли, рассмотрена правовая идеология российских правоведов начала XX в., нацеленная на осуществление либеральной парадигмы общественного переустройства и утверждение конституционного государства.

Медушевский проанализировал воззрения целой когорты выдающихся идеологов российского конституционализма: Сергея Муромцева, Николая Коркунова, Льва Петражицкого, Павла Новгородцева, Федора Кокошкина, Владимира Гессена, Михаила Острогорского, Богдана Кистяковского и Сергея Котляревского. Предметом анализа становятся такие ключевые пункты либеральной правовой теории, как концепции правового государства и гражданского общества, соотношение правового и конституционного государства, демократии и федерализма, негативных и позитивных прав личности.

Либеральная теория представлена в этой работе влиятельной концепцией в юриспруденции начала XX в., для которой были характерны приверженность идее правового (конституционного) государства и стратегии модернизации без революции [14. С. 3].

Исследователи правовой культуры российской адвокатуры Уильям Померанц и Джейн Бербенк указывают на радикальную трансформацию имперской системы правового представительства, происшедшую в ходе судебной реформы 1864 г., на складывание у адвокатуры в период 1864–1917 гг. передовой правовой культуры и профессионального этоса, на формирование в ее среде многих выдающихся поборников права и прав человека. В то же время они отмечают противоречивость положения адвокатуры «между Западной профессией и Российским сословием», указывают на сохранение у нее сословной ментальности в силу отсутствия у государства уважения к адвокатским корпоративным институтам, ограничений прав нерусских адвокатов и усиления государственного контроля над частными и присяжными поверенными. Двусмысленность положения адвокатуры эти авторы объясняют как изъянами государственной политики, так и социальной напряженностью, присущей «гибридоподобному обществу» (выражение Дж. Бербенк) позднимперской России [2. С. 53–54; 9. С. 268].

Существенный вклад в развитие представлений о правовой культуре российского общества внес очерк В.А. Томсинова под названием «Правовая культура», написанный в 2000 г. В нем известный российский историк права предложил новый подход к исследованию правовой культуры, а именно ее изучение с учетом совокупности факторов, воздействовавших на ее формирование и развитие.

К их числу Томсинов относит не только буржуазное развитие российской экономики, но и политику российского самодержавия в области правовой культуры, приведшую к систематизации российского законодательства, к созданию Свода законов Российской империи, содействовавших повышению уровня правовой культуры как российского господствующего класса, так и общества в целом. Томсинов характеризует также прогресс в развитии в XIX в. юридической науки, образования, правовой журналистики, создание и активизацию деятельности юридических обществ. Знаменательно, что Томсинов не ограничивается характеристикой правовой культуры российской общественной элиты, но предпринимает попытку изучения народного правосознания. Этот тип правосознания оценивается ученым как неразвитый, а его элементами являются отрицательное отношение к закону, свободное отношение к юридическим формам, пренебрежение формальностями в юридических отношениях и приоритет к их существу [16. С. 102–167].

Важный вклад в развитие представлений о правовой культуре российской интеллектуальной элиты вносит монографическое исследование «Гражданские права в императорской России», изданное в 1989 г. Ее авторы — известные американские и английские юристы и историки У. Батлер, У. Вагнер, О. Крипп, Д. Ливен, С. Смит, Р. Уортман, Л. Эдмондсон поставили целью исследовать степень знакомства предреволюционного российского общества с институтом прав личности. Они рассмотрели различные аспекты данной проблемы, такие как обеспечение прав граждан царским и Временным правительствами, опыт осуществления в императорской период прав свободы собственности, слова, печати, женского и еврейского равноправия и т.п.

Книга представляет интерес не только своим фактическим материалом, но и неоднозначностью теоретических позиций, на которых стоят авторы очерков. Ряд авторов на проблему преимущественно пессимистически, разделяя точку зрения профессора права У. Батлера, признавшего реализацию гражданских прав в последнее десятилетие существования самодержавия неудавшимся опытом.

По мнению Батлера, самодержавие в период заката Российской империи гарантировало своим подданным определенные гражданские права, однако они зависели скорее от воли монарха, чем от закона; суровые ограничения налагали на права подданных также законы военного времени, по которым на протяжении последних десятилетий имперского строя жила Россия. Полное осуществление гражданских свобод было задумано в Основных законах 1906 г., но эта программа не достигла сколько-нибудь существенного прогресса в правовом отношении [5. С. 3, 8, 12].

Однако в данной книге представлены и более оптимистические взгляды на проблему. Так, Линда Эдмондсон, изучив движение за гражданские права в 1905 г., оценивает опыт осуществления в императорской России прав и свобод с иных, нежели Батлер, позиций.

Она указывает, что обстоятельства русской жизни после 1905 г. были откровенно враждебны реализации гражданских прав и дальнейшему развитию

концепции свобод, однако это не означает, что движение за права потерпело фиаско. Ожидать полной и последовательной реализации принципов гражданских свобод от российского общества, имевшего неразвитое правосознание и не способного контролировать исполнительную власть, по мнению Эдмондсон, было нереалистично. Однако то обстоятельство, что значительная часть интеллигенции в России была бескомпромиссным приверженцем свобод личности, уже вселяло веру в то, что концепция свобод не была обречена на падение на неплодородную почву [4. С. 282]. Каспар Ференкзи утверждает, что конституционные реформы 1905–1906 гг. изменили не только российские политические институты, но и стиль управления и политическую культуру; общественное мнение преуспело в обретении и отстаивании нового мировоззрения, а также в воздействии на правительственные решения [4. С. 191].

Изучение проблемы законодательного закрепления прав человека в российской историографии началось в 1990–2000-х гг. Особо следует отметить очерк В.В. Шелохаева «Институты гражданского общества и правового государства» в изданной под его редакцией коллективной монографии «Модели общественного переустройства России. XX век» (М., 2004), где дана характеристика разработанного теоретиками Партии народной свободы пакета законопроектов, гарантировавших права личности и изменивших правовое сознание российского общества начала XX в. Отдельные виды прав личности также получили своих исследователей: свободы союзов и собраний (А.С. Туманова), свободы совести и вероисповеданий (А.А. Сафонов, А.А. Дорская), неприкосновенность личности (Д.В. Аронов).

Одним из первых комплексных исследований становления и развития института прав и свобод личности в Российской империи стала монография А.С. Тумановой и Р.В. Киселева. Авторы приходят к выводу, что конституционная реформа начала XX в., нацеленная на закрепление за российскими подданными политических и гражданских прав, способствовала не только модернизации российской государственности и правовой системы, но и существенному развитию правовой культуры российского общества, в особенности ее интеллектуальной, юридической, элиты.

Изучая воззрения российских правоведов на правовые институты, авторы делают вывод о развитии в дореволюционной России особого вида правосознания, получившего в современном конституционном праве наименование конституционного правосознания.

Оно подразумевает совокупность представлений людей о Конституции и отдельных ее элементах — правах человека, представительном правлении, справедливом правосудии и др. Содержание воззрений юридической элиты российского общества на проводимую правительством правовую реформу и ее составляющие, выражавшееся в правосознании, служат показателем уровня правовой культуры общества, степени его подготовленности к практическому воплощению своих взглядов в виде соответствующих форм позитивного права. Правосознание образованного общества являлось, по мнению Тумановой и Киселева, предпосылкой конституционной реформы, проводимой в стране в нача-

ле XX в., и в то же время оно обуславливалось данной реформой. Российские правоведы полагали, что реформы должны отвечать типу правосознания общества, видели в этом залог их успешности [17. С. 262–263].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что обобщающего исследования о правовой культуре общества позднеимперской России пока что не создано. Между тем в научное изучение проблемы внесен существенный вклад как российскими, так и зарубежными авторами, предлагающими отказаться от применения оценочных категорий к характеристике правовой культуры и перейти к анализу состояния правовой культуры с учетом совокупности факторов, воздействовавших на ее формирование, таких как правовые реформы, правовые институты и правовая мысль.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бербэнк Д.* Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе. — М., 2004.
- [2] *Медушевский А.Н.* Диалог со временем. Российские конституционалисты конца XIX — начала XX века. — М.: Новый хронограф, 2010.
- [3] *Медушевский А.Н.* Русская правовая традиция: система, структура, динамика в сравнительной перспективе. — Рукопись.
- [4] *Томсинов В.А.* Правовая культура // Очерки русской культуры XIX века. — Т. 2. Власть и культура. — М., 2000. — С. 102–167.
- [5] *Туманова А.С., Киселев Р.В.* Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX — начала XX века. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
- [6] *Burbank J.* An Imperial Rights Regime. Law and Citizenship in the Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. — 2006. — No. 3. — P. 402–416.
- [7] *Burbank J.* Discipline and Punishment in the Moscow Bar Association // *Russian Review*. — 1995. — No. 54. — P. 53–54.
- [8] *Burbank J.* Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. — Bloomington, 2004.
- [9] *Crisp O., Edmondson L., eds.*, Civil Rights in Imperial Russia. — Oxford, 1989.
- [10] *Kollmann N.* By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia. — Ithaca, NY, 1999.
- [11] *Pomeranz W.* ‘Profession or Estate’? The Case of the Russian Pre-Revolutionary «Advokatura» // *The Slavonic and East European Review*. — 1999. — No. 2.
- [12] *Wagner W.G.* Civil Law, Individual Rights, and Judicial Activism in Late Imperial Russia // Solomon Peter, ed., *Reforming Justice in Russia, 1864–1996: power, culture, and the limits of legal order*. — New York, 1997. — P. 29–44.
- [13] *Wagner W.G.* Marriage, Property and Law in Late Imperial Russia. — Oxford, 1994. P. 355–384.
- [14] *Walicki A.* Legal Philosophies of Russian Liberalism. — Oxford, 1987.
- [15] *Wartenweiler D.* Civil Society and Academic Debate in Russia 1905–1914. — New York, 1999.
- [16] *Wirtschaftler E.K.* Russian Legal Culture and the Rule of Law // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. — 2006. — No. 1. — P. 68–74.
- [17] *Wortman R.* Russian Monarchy and the Rule of Law // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. — 2005. — No. 1. — P. 162–170.

LEGAL CULTURE OF LATE IMPERIAL RUSSIA'S SOCIETY FROM THE PERSPECTIVE OF HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH: APPROACHES OF RECENT YEARS

A.S. Tumanova

The Department Theory and Comparative Law, Higher School of Economics
17, Malaya Ordynka, Moscow, Russia, 119017

The article examines the main trends of studying of the legal culture of the Russian society of the late XIX-th — beginning of XX-th centuries, which exist in the literature of the history of law in recent decades and appear the most important characteristics for this category.

Key words: legal culture of society, Late Imperial Russia, formulation of problem.

REFERENCES

- [1] *Bjorbjenk D.* Mestnye sudy, imperskoe pravo i grazhdanstvo v Rossii”, Rossijskajya imperiya v sravnitel'noj perspektive. — M., 2004.
- [2] *Medushevskiy A.N.* Dialog so vremenem. Rossijskie konstitucionalisty konca XIX — nachala XX veka. — M.: Novyj Hronograf, 2010.
- [3] *Medushevskiy A.N.* Russkaja pravovaya tradiciya: sistema, struktura, dinamika v sravnitel'noj perspektive. — Rukopis'.
- [4] *Tomsinov V.A.* Pravovaya kul'tura // Oчерki russoj kul'tury XIX veka. T. 2. Vlast' i kul'tura. — M., 2000. — S. 102–167.
- [5] *Tumanova A.S., Kiselev R.V.* Prava cheloveka v pravovoy mysli i zakonotvorchestve Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka. — M.: Izd. dom Vysshey shkoly jeconomiki, 2011.
- [6] *Burbank J.* An Imperial Rights Regime. Law and Citizenship in the Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. — 2006. — No. 3. — P. 402–416.
- [7] *Burbank J.* Discipline and Punishment in the Moscow Bar Association // *Russian Review*. — 1995. — No. 54. — P. 53–54.
- [8] *Burbank J.* Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. — Bloomington, 2004.
- [9] *Crisp O., Edmondson L., eds.*, Civil Rights in Imperial Russia. — Oxford, 1989.
- [10] *Kollmann N.* By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia. — Ithaca, New York, 1999.
- [11] *Pomeranz W.* ‘Profession or Estate’? The Case of the Russian Pre-Revolutionary “Advokatura” // *The Slavonic and East European Review*. — 1999. — No. 2.
- [12] *Wagner W.G.* Civil Law, Individual Rights, and Judicial Activism in Late Imperial Russia // *Solomon Peter, ed., Reforming Justice in Russia, 1864–1996: power, culture, and the limits of legal order*. — New York, 1997. — P. 29–44.
- [13] *Wagner W.G.* Marriage, Property and Law in Late Imperial Russia. — Oxford, 1994. — P. 355–384.
- [14] *Walicki A.* Legal Philosophies of Russian Liberalism. — Oxford, 1987.
- [15] *Wartenweiler D.* Civil Society and Academic Debate in Russia 1905–1914. — New York, 1999.
- [16] *Wirtschaftler E.K.* Russian Legal Culture and the Rule of Law // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. — No. 1. — P. 68–74.
- [17] *Wortman R.* Russian Monarchy and the Rule of Law // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. — 2005. No. 1. — P. 162–170.